

УДК 398
ББК 85.313(2), 85.314

Фольклорные экспедиции Московской консерватории на Стародубщину в 1950-е годы (к истории полевых исследований под руководством Климента Квитки)

Елена Викторовна Битерякова

(Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского:
Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Б. Никитская, д. 13/6)

Аннотация. *Статья посвящена экспедициям Московской консерватории в Стародубский район Брянской области, инициированным профессором К. В. Квиткой в 1950-е гг. Уникальные аудиозаписи, многочисленные рукописные полевые заметки и фотодокументы на протяжении ряда десятилетий оставались неопубликованными и не введенными в научный обиход. Между тем материалы, собранные сотрудниками Кабинета по изучению музыкального творчества народов СССР Л. А. Бачинским и К. Г. Свитовой, сохраняют научную и художественную ценность в наши дни, а их совместная работа может быть вписана в историю отечественной фольклористики как один из важнейших ее эпизодов.*

На основе изучения фонограмм и рукописных документов, хранящихся в фондах Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки, автором статьи воссозданы обстоятельства полевой работы в 1950-е гг., уточнены ее цели и задачи, а также дана общая оценка материалов и итогов. Главными достижениями собирателей признаны высококачественная запись на студийной аппаратуре образцов ансамблевого пения и сольной инструментальной игры в период активного бытования местных народных традиций и фиксация значительного объема этнографических сведений.

Ключевые слова: Климент Квитка, экспедиции 1950-х гг., Брянская область, Московская консерватория.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в уточнении некоторых исторических сведений своим коллегам: О. В. Гордиенко, Е. А. Дороховой, Л. П. Маховой, Н. М. Савельевой.

Дата поступления статьи: 16 января 2023 г.

Дата публикации: 25 марта 2023 г.

Для цитирования: Битерякова Е. В. Фольклорные экспедиции Московской консерватории на Стародубщину в 1950-е годы (к истории полевых исследований под руководством Климента Квитки) // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 1. С. 146–158.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.1.013>

Первые фольклорные экспедиции Московской консерватории в Стародубском районе Брянской области состоялись в начале 1950-х гг. Идея изучения народных традиций этого региона, от-

носившегося в XIX в. к северным уездам Черниговской губернии, принадлежала научному руководителю Кабинета по изучению музыкального творчества народов СССР профессору Клименту Василье-

А. И. Рубец, 1900-е годы. Фотофонд НЦНМ

A. I. Rubets, the 1900s. Photo fund of the K. V. Kvitka Scholarly Center of Folk Music

К. Г. Свитова, 1965 г. Фотофонд НЦНМ

K. G. Svitova, 1965. Photo fund of the K. V. Kvitka Scholarly Center of Folk Music

Л. А. Бачинский, 1940 г. Фотофонд НЦНМ

L. A. Bachinsky, 1940. Photo fund of the K. V. Kvitka Scholarly Center of Folk Music

вичу Квитке (1880–1953). Выдающийся этномузиколог XX столетия, Квитка был практически единственным специалистом в области украинской музыкальной этнографии за всю историю существования Кабинета (в наст. время НЦНМ им. К. В. Квитки)¹. Неудивительно, что именно он стал инициатором обследования русско-белорусско-украинских пограничных территорий как наиболее перспективных в свете изучения историко-культурного наследия восточных славян. Осуществлению долгосрочных планов помешала кончина ученого, но первые результаты, полученные в разведывательной экспедиции 1951 г., он успел оценить, равно как и сформулировать ключевые задачи начального этапа работы. Собираателям — сотрудникам Кабинета Л. А. Бачинскому и К. Г. Свитовой — предстояли поиски материала, сходного с публикациями профессора Петербургской консерватории Александра Ивановича Рубца (1837–1913), и уточнение подлинности его нотаций². Очевидно, что подобное направление полевой деятельности определялось идеей «генеральной критики» музыкально-этнографических

источников, сформулированной Квиткой в 1940-е гг. [Квитка 1973]. Участники экспедиции должны были также фиксировать этнографические сведения, образцы современного фольклора и информацию о Рубце, обосновавшемся в последние годы жизни в г. Стародубе.

Вот как эти задачи отражены в научных отчетах: «К. В. <Квитка> предложил нам <выполнить> запись песен по сборнику А. И. Рубца; собрать сведения об этих песнях (когда и в какой обстановке они исполнялись), обратит особое внимание на их словесный язык. <...> Кроме того, надо было собрать биографические данные о Рубце как собирателе народных песен и музыкальном деятеле» [НЦНМ. РФ. ИО146. Л. 1]; «Целью поездки была звукозапись народных песен, которые в сборнике А. И. Рубца “216 украинских народных напевов” (1872) означены как бытовавшие в Стародубском уезде и запись современных народных песен. Особенно важно было попытаться найти в современном бытовании те напевы, которые были заимствованы из сборника А. И. Рубца Римским-Корсаковым и Чайковским» [Там же. Л. 12]; «Ставя задачу произвести

¹ Следует упомянуть еще одного знатока украинского фольклора — Владимира Иосифовича Харькова (1900–1974), ученика К. В. Квитки, работавшего по его рекомендации в Московской консерватории в должности заведующего Кабинетом в 1955–1959 гг.

² Незадолго до этого летом 1949 г. была осуществлена экспедиция в Калужскую область, имевшая схожие цели: уточнение сведений и звукозапись песен, известных по сборнику Ю. Н. Мельгунова. Состав участников тот же: К. В. Квитка (рук.), Л. А. Бачинский, К. Г. Свитова. Подробнее см.: [Свитова 2021]. Вообще идея сбора фольклора «по следам» к тому времени уже имела некоторую историю. Так, в 1926–1928 гг. Б. М. и Ю. М. Соколовы работали в экспедиции «по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга», организованной Государственной академией художественных наук (ГАХН).

фонозапись напевов, использованных по записи Рубца Римским-Корсаковым и Чайковским, профессор Квитка имел в виду, между прочим, необходимость определить, насколько население, в среде которого обнаружатся эти песни, причисляет себя к украинцам, и насколько язык этого населения является украинским. Квитка указывал на то, что Рубец в некоторых случаях явно украинизировал транскрипцию слов в текстах песен, записанных им на севере Черниговской губернии, то есть на территории, которая теперь вошла в западную часть Брянской области» [НЦНМ. РФ. И0152. Л. 1, 9].

Таким образом, две первые экспедиции на Стародубщину (1951 и 1953) задумывались и осуществлялись под рабочим названием «По следам А. И. Рубца». Так они и вошли в историю отечественной фольклористики [Свиридова 1966, 30–31; Савельева 2013], несмотря на то что в ходе второй поездки собиратели отказались от первоначальной генеральной идеи, тем самым значительно расширив горизонты своей полевой работы. Результаты экспедиций оказались блестящими. Бачинский и Свитова привезли уникальные материалы, сохраняющие свою художественную и научную ценность в наши дни: аудиозаписи на студийной аппаратуре свыше 350 образцов музыкального фольклора от солистов и ансамблей, разнообразные этнографические заметки. Выдающиеся народные исполнители, с которыми довелось работать собирателям, в 1960-е гг. были приглашены к участию в этнографических концертах Фольклорной комиссии Союза советских композиторов РСФСР³. Их голоса звучат на грампластинках серии «Поют народные исполнители». Значительная часть материалов вошла в сборник, составленный К. Г. Свитовой [Свитова 1966], — значимый для своего времени и весьма востребованный: при небольшом тираже в 470 экземпляров издание

разошлось буквально за несколько дней. Свидетельство тому находим в письме Свитовой, отвечавшей на запрос из Брянской областной библиотеки: «Сборник “Песни Брянской области” в Москве не достать. На третий день после выпуска его уже не было на прилавках московских магазинов; его быстро раскупили учебные музыкальные учреждения и частные лица, заранее знавшие о его выходе. В то время мне удалось купить 30 штук, и я разослала их в подарок друзьям и знакомым, занимающимся изучением народного песнетворчества. Сейчас у меня остался единственный авторский экземпляр. В Ваши края я послала 5 сборников: в библиотеку г. Стародуба, в сёла Мишковку, Остроглядово и Курковичи, где я записывала эти песни, в г. Брянск»⁴.

Но даже с учетом названных звуковых и нотных изданий в большинстве своем находки стародубских экспедиций 1950-х гг. до недавних пор оставались неопубликованными и не были введены в широкий научный обиход⁵.

В 1951 г. К. Г. Свитова работала в г. Стародубе одна⁶. Ей удалось записать на фонограф несколько исполнителей-солистов и певческий коллектив с. Остроглядово. Кроме того, она собирала сведения о календарных песнях и обрядах, организовала фотосъемку слепого лирика из д. Покослово Трифона Степановича Лужкова, 57 лет, а также договорилась о приобретении инструмента у лирика из с. Мишковка Климентия Феоктистовича Шматова, 1891 г.р. В отчете о своей работе она сообщила: «За период работы в Стародубе от 20 по 29 октября мной было записано 28 песен, из которых: 22 песни обрядового характера, 3 карагодных и 3 бытовых песни. Из-за недостатка фонографических валиков я не записала свадебного обряда и свадебных песен, хотя этот обряд существует в Стародубском районе до сего времени» [НЦНМ. РФ. И0146. Л. 12].

³ В концерте 31 марта 1966 г. участвовал женский квартет с. Остроглядово; 13 декабря 1966 г. — ансамбль с. Курковичи.

⁴ Из письма К. Г. Свитовой М. И. Емельяновой, завотделом комплектования Брянской областной библиотеки от 24.04.1968 [НЦНМ. РФ. Папка 60 «Письма о народных песнях с мест». Л. 69].

⁵ В 2022 г., по инициативе сотрудников НЦНМ им. К. В. Квитки и Брянского областного методического центра «Народное творчество» реализованы совместные издательские проекты: [Народные песни 2022а; Народные песни 2022б; Песни села Остроглядово 2022а; Песни села Остроглядово 2022б].

⁶ Бачинский предпочел осуществить кратковременные разведывательные выезды в старообрядческое село Воронок и в соседние райцентры — г. Унеча и п. Погар.

Выполняя задание Квитки, Свитова в буквальном смысле прошла в Стародубе по следам Рубца. Она посетила все места, связанные в городе с его именем: дом в Ломоткином переулке, где жил музыкант, библиотеку, городской парк, могилу в ограде Вознесенской церкви (к 1951 г. уже практически утраченную); нашла старожилы, которые лично знали и помнили музыканта, записала их воспоминания. Приведем забавный эпизод из беседы Свитовой с местной жительницей О. А. Лапчинской: *«По характеру Рубец был добрым, но вспыльчивым; не терпел нерадивых учеников. В таких случаях он бранился, кричал и даже дрался. Бил ученика нотами по шее, если тот фальшиво пел, и приговаривал: “Так это тебе нота до, так это тебе дол”. Или кричал Фёкла, которая ему прислуживала: “Фёкла, тащи кочергу, я этому сукину сыну ребра поломаю!” Фёкла, зная его горячий характер, отвечала не спеша: “Сейчас принесу”. А Рубец кричал: “Да не сейчас, а сию минуту тащи!”»* [Там же. Л. 4].

Интересен и фрагмент воспоминаний о Рубце уроженки д. Камень Анны Ульяновны Яковченко, 1878 г.р.: *«Ну как же не помнить Александра Ивановича?! Помню его хорошо. Помню, как он ездил на лошади на базар за раками и земляникой. Подъедет к базару, остановится и кричит нараспев: “Раки! Земляника!” А торговки-то к нему бегут: “Пожалуйста, Александр Иванович!! И раки, и земляника, и что Вашей душе угодно»*» [Там же. Л. 57] (пример 1).

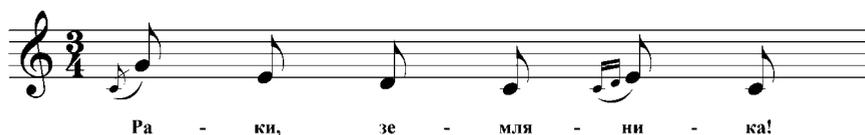
Исключительной заслугой Свитовой является обнаружение архива Рубца, сохранявшегося его секретарем М. Т. Кремневым. Этот факт из биографии собирательницы упомянут в одной из немногих книг о музыканте: «Встреча с Клавдией Георгиевной меня ошеломила. Оказалось, что она не только прошла по следам Рубца, чтобы выяснить, что же осталось в нашем краю от бывшего песенного богатства,

но и обнаружила остатки архива Александра Ивановича. Самым удивительным для меня было то, что этот архив передал Свитовой бывший заведующий стародубской центральной библиотекой, в прошлом секретарь Рубца, Моисей Тихонович Кремнев. <...> Незадолго перед смертью он передал в музей музыкальной культуры все материалы, которые у него остались от Рубца» [Метельский 1983, 297].

Полученные Свитовой рукописи составили фонд А. И. Рубца в Российском национальном музее музыки (Ф. 143), содержащий 28 единиц хранения, преимущественно мемуарного характера, но также этнографических описаний. К сожалению, последние, представляющие наибольший интерес для фольклористов, в настоящее время не подлежат выдаче ввиду особой ветхости. Среди них: «Коляды, песни, поверья на Украине» [РНММ. Ф. 143. Ед. хр. 8], «Описания игр, поверий и песен с нотами, собранных на Украине и в Белоруссии» [Там же. Ед. хр. 9], «Южнорусские апокрифы, сказания и песни» [Там же. Ед. хр. 19] и др.

В ходе полевой работы в 1953 г. собиратели по ряду причин отошли от основной задачи, поставленной Квиткой. Бачинский рассуждает об этом в отчете: *«На основании сведений и впечатлений о народной музыке Стародубского района, полученных в 1951 г., К. Г. <Свитова> выработала план работы экспедиции 1953 г., бригадиром которой она была назначена. В этот план входило начать работу со звукозаписи коллектива из четырех женщин. Для этого К. Г. Свитова должна была отправиться со мной в Остроглядово и заняться подготовкой к звукозаписи: составлением списка песен, подлежащих записи, и проч. Затем К. Г. Свитова рассчитывала одна отправиться в Мишковку, где живет известный ей нищий певец-лирник Шматов, с которым она уже в 1951 г. вела переговоры относительно приобретения у него для*

Пример 1.

Фрагмент из воспоминаний об А. И. Рубце. Записано в г. Стародубе в 1953 г. от А. У. Яковченко, 1878 г.р., Л. А. Бачинским и К. Г. Свитовой [НЦНМ. ИО085–05]. Нотация Е. В. Битеряковой (фонограмма звучит на ½ тона ниже).

Кабинета его лиры. Запись его пения с сопровождением на лире имела бы значение ввиду полного отсутствия магнитофонных записей игры на колесной лире. <...>

Особенностью этого плана является то, что в нем вовсе не принята во внимание задача, намеченная в плане работы Кабинета и поставленная перед участниками экспедиции в западную часть Брянской обл. Новые обстоятельства и условия работы по собиранию образцов народного музыкального творчества побудили нас временно видоизменить задачу экспедиции: задача «отыскания и фонозаписи песен, использованных по записям Рубца» не была отброшена, но была поставлена на задний план в связи с тем, что,

1) с одной стороны, для курса русской народной музыки, читаемого доцентом А. В. Рудневой, представляло бы большой интерес компактная масса магнитофонных высококачественных записей календарных песен в многоголосном исполнении, том же самом и подобном тому, образцы какого привезла К. Г. Свитова из своей поездки в г. Стародуб в 1951 г. <...>

2) На отклонение от выполнения задачи экспедиции оказали влияние условия работы с магнитофоном. Эту работу выполняла К. Г. Свитова. Нами намеренно не был взят с собой фонограф, — с целью не дробить наших усилий и привезти только магнитофонные высококачественные записи. Для гарантирования производства магнитофонных записей К. Г. Свитова сперва хотела повезти в Стародуб оба наших МАГ'а, — на случай, если один откажется работать. Мы всё же взяли только один аппарат, тот, который был смонтирован по моему заказу в двух чемоданных ящиках, несравнимо более легких и удобных для переноски, чем один металлический ящик, в котором выпускается аппарат заводом. Он работал безотказно. Как и следовало предполагать, он сильно ограничивал возможности работы по собиранию. <...>

3) Предпочтение, которое мы отдавали певческим коллективам перед сольными исполнителями, также ограничивало возможности отыскания песен, записанных Рубцом: отыскать определенную

песню в коллективном исполнении гораздо труднее, чем найти ее в исполнении отдельного исполнителя; знатоки песен, которым данная песня известна, могут не входить в местные певческие коллективы, могут находиться вдали от певческих коллективов, пользующихся известностью в районе. <...> Поэтому вместо розысков песен, записанных Рубцом, мы устраивали на месте прослушивание всех песен, какие исполняются коллективом, и составляли список песен, которые можно было бы записать на пленку. После этого предварительного прослушивания для производства звукозаписи требовалось еще доставить избранных исполнителей в город. При таких условиях было бы неразумно ограничиваться отысканием песен, записанных Рубцом, или ставить отыскание этих песен на первый план» [НЦНМ. РФ. ИО152. Л. 1, 3–4, 9, 12–16].

После разведывательной поездки 1951 г. Свитова резюмировала: «Мне не удалось что-нибудь узнать о А. И. Рубце как собирателе народных песен. Выпустив в 1872 г. свой сборник «216 украинских народных напевов» различных уездов бывшей Черниговской губернии (Стародубского, Ново-зыбковского, Березинского, Конотопского и др.), А. И. <Рубец> не указал, когда, где и от кого он записывал эти песни. Остается пока загадкой, записывали ли он их в самом г. Стародубе от различных жителей или специально выезжал в указанные уезды» [Там же. ИО146. Л. 11]. По итогам двух экспедиций найдено «незначительное», по словам Бачинского, количество вариантов песен, опубликованных Рубцом. Перечисляя их в отчете⁷, собиратель отмечает несхожесть изданных музыкальных образцов и фонограмм 1950-х гг. по тесситуре и характеру многоголосия, высказывая сомнение в том, что запись производилась непосредственно от носителей в сельской местности: «Если считать, что Рубец правильно записал слышанное им в календарных песнях многоголосие, то нужно было бы предположить, что он нашел это многоголосие или в новом городском исполнении, или в деревенском, стилистически приближенном к городскому» [Там же. ИО152. Л. 6].

⁷ «Всего в 1951 и 1953 гг. были сделаны фонозаписи следующих вариантов песен, опубликованных Рубцом: 1. Летела стрела (Мишковка), 2. Благослови, мати (Остроглядово), 3. Что во городе (Камень), 4. Го-го-го, коза (Камень), 5. Вот дома, дома (Камень), 6. А мы ледо прятали (Камень), 7. Весна-весняночка (Мохоновка)» [НЦНМ. РФ. ИО152. Л. 2, 7].

Таким образом, полевые исследования 1950-х гг. не разрешили сомнений К. В. Квитки, и вопрос достоверности записей А. И. Рубца оставался открытым. Спустя годы эту интереснейшую тему продолжил Б. С. Луканюк, который, стремясь раскрыть историю-костологические загадки публикаций Рубца с опорой на украинский материал, пришел к следующим важным выводам:

«1) Подавляющее большинство записей, помещенных в сборниках А. Рубца, имеет безусловно вторичный характер, поскольку почерпнуты они из опосредованных источников — как печатных, так и, вероятно, рукописных;

2) привлеченные записи редко воспроизводились буквально, как правило, они редактировались в той или иной мере — не только транспонировались, перетактовывались, меняли величины единиц исчисления, темпы, получали дополнительные или, наоборот, теряли ферматы, мелизмы, распевы, паузы и другие отметки особенностей исполнения, но и местами модифицировались ритмически, мелодически и даже по форме, перерабатывались в многоголосные дописыванием нижних терцовых втор, а также с явным умыслом диатонизировались для отмены в «миноре» повышенных вводных степеней к основным или квинтовым ладовым опорам;

3) ориентировочные места происхождения записей на уровне уездов или губерний, хотя и старательно указанные возле каждого из них, всё же доверять этим указаниям никак нельзя, потому что там, где в оригинале не было географической паспортизации, А. Рубец ее просто дописывал, а четко указанную — позволял себе менять на другую, нередко достаточно отдаленную местность» [Луканюк 2013, 105]⁸.

⁸ Тем не менее музыкально-этнографическая деятельность Рубца получает высокую оценку как «переломная в истории украинской музыкальной фольклористики XIX в., завершившая и, в какой-то мере, суммировавшая ее начальный период любительства» [Луканюк 2013, 110].

⁹ За исключением полевых наблюдений. К приведенным выше добавим еще одно замечание Бачинского: «Все же они (записанные в 1953 г. песни. — Е. Б.) не оставляют сомнения в том, что зафиксированный тип многоголосия в календарных песнях отличен от вторения в терцию, которое изображено в записях Рубца» [НЦНМ. РФ. И0152. Л. 3].

¹⁰ Исполнение поздних лирических песен в особой, «городской» манере имеет место в женских коллективах трех сел (Остроглядово, Курковичи и Мишковки), довольно удаленных друг от друга. Выявление истоков и границ распространения этого явления на стародубских территориях — еще один перспективный аспект изучения локальных певческих стилей.

¹¹ Одной из задач выездов в Стародубье была фиксация «современных народных песен» [НЦНМ. РФ. И0146. Л. 12].

На сегодняшний день мы не располагаем «встречными», опирающимися на русский материал исследованиями в этом направлении⁹. Поэтому принимаем выводы Б. С. Луканюка в качестве единственного убедительного ответа на вопросы, волновавшие К. В. Квитку в середине прошлого столетия.

Как видим, в 1950-е гг. собиратели, не достигнув быстрых успехов в решении этой весьма непростой задачи, отложили ее, скорректировав экспедиционные цели. И оказались правы. Важнейшим результатом их работы стало обнаружение «своеобразного многоголосного стиля исполнения календарных песен, совсем не похожего на многоголосие в сборнике Рубца» [НЦНМ. РФ. И0152. Л. 9], открытие самобытной местной традиционной культуры в живом бытовании и знакомство с выдающимися народными исполнителями — носителями песенных и инструментальных традиций Стародубщины.

Характеризуя стародубские записи 1950-х гг., важно отметить, что все они сделаны от однородных певческих групп. Это отражает специфику соответствующего периода жизни местной традиции и демонстрирует сходства и различия мужского и женского репертуаров. К тому же записи произведены от исполнителей примерно одного поколения — в возрасте от 35 до 45 лет. Тем самым полевые материалы представляют определенный срез локальной традиции, но не претендуют на исчерпывающую полноту ее охвата. Их жанрово-стилевые характеристики в некоторой степени обусловлены личными предпочтениями информантов (возможно, более восприимчивых к авторским текстам и «не-сельской» исполнительской манере, транслируемой посредством грамзаписей и радио¹⁰) и собирателей¹¹.

Все записанные в 1950-е гг. народные коллективы можно отнести к числу «виртуозных ансамблей» (по терминологии Е. В. Гиппиуса)¹². Два из них — острогладовский женский квартет и ансамбль с. Курковичи¹³ — приобрели широкую известность уже в конце 1960-х гг., после выхода в свет первых пластинок серии «Поют народные исполнители»¹⁴. В тени осталось самобытное искусство певиц из с. Мишковка (хотя многие песни включены в сборник «Народные песни Брянской области»), несколько не уступающих острогладовским и курковичским исполнительницам ни в мастерстве, ни в спетости, ни в отношении жанрового богатства репертуара. Свообразие локальных мишковских песенных и инструментальных форм и жанров может стать темой отдельного серьезного исследования.

В ходе работы по составлению нотного сборника Свитова в уже известных ей селах организовала в 1959 г. несколько повторных сеансов. В их задачи входили: фиксация не охваченных ранее жанров (были записаны застольные, колыбельные, игровые, шуточные), уточнение этнографических сведений о календарных обрядах и песнях, составление описания свадебного ритуала, запись песен в мужском исполнении — протяжных, рекрутских, чумацких, баллад, революционных (в с. Острогладово, Курковичи, Мишковка)¹⁵.

Наряду с великолепными ансамблевыми фонограммами, стародубские материалы 1950-х гг. содержат значительное число сольных записей, произведенных от исполнителей, относящихся к другому,

старшему поколению — 1870–1890-х гг. рождения. Примечательно отношение самих информантов к «одиночному» пению как несвойственному традиции: «Як в один голос, то надо артистов, цециалистов» [НЦНМ. РФ. ИО152. Л. 34]. Бачинский писал, ссылаясь на высказывания местных жителей: «Совместное пение в Стародубском районе решительно преобладает над одиночным. Сольное исполнение представляется нехарактерным, непринятым: “У нас в одиночку никто не обрабатывал песню”. Одиночное исполнение возможно при пении жнивных песен и щедровок: “Один щедровную — можно, но не так интересно”; “жнивную может петь одна”; “жнивную пють и па адинцѹ, на конце тогда тихонька гукать, гукать адной нельзя”» [Там же. Л. 25].

Настоящей находкой для собирателей стало знакомство с Анной Ульяновной Яковченко, 1878 г.р. (урож. д. Камень), знавшей множество календарных песен (новогодних, масленичных, весенних, руральных). От нее записаны и разнообразные этнографические сведения, среди которых — рассказ о новогоднем обходе домов «с козой»: «Еще за несколько дней до Нового года хлопцы уговариваются щедровать, повествует Анна Ульяновна. В канун Нового года, когда в хатах заветятся огни, хлопцы, собравшись вместе, человек 8–10, начинают “прибираться в машкерад, как гусары”: на плечи привешивают погоны, на грудь и рукава — красные нашивки, на голову надевают шапку с красным верхом. Один хлопец “прибирается козой”: надевает кожух наружу “космами”, на лицо маску, на шею вешает

¹² Пение коллективов «ансамблей мастеров» (или «виртуозных», «замкнутых»), «в наиболее яркой форме воплощающих локальную специфику традиционной музыкальной культуры» и имеющих постоянный состав участников, ученый противопоставляет «обиходным» ансамблям, «собирающимся спонтанно» [Гиппиус 2003, 20].

¹³ Напомним, что первые записи острогладовского квартета сделаны Свитовой на фонограф в 1951 г. Знакомство с курковичскими певуньями состоялось в 1954 г., в экспедиции в составе Л. А. Бачинского (рук.) и студентов А. Г. Флярковского, С. Н. Кондратьевой, — работавшей в Стародубском и Воронокском (существ. в 1944–1957 гг.) районах.

¹⁴ Восемь песен в исполнении женского квартета с. Острогладово звучат на пластинке: [Русские народные песни 1966]. Еще две опубликованы в качестве иллюстраций к статье: [Старости-на 2004, № 37, 38]. Издание с песнями с. Курковичи (8 шт.) см.: [Народные песни 1968]. Эти же фонограммы переизданы В. М. Щуровым в 2007 г.: [Yak pushu strelu 2007]. Курковичские фонограммы также вошли в пластинку: [Русская народная музыка 1990]. Здесь же (№ 9) опубликован фрагмент духовного стиха «Бедные птички» в исполнении мишковского лирника К. Ф. Шматова, 1891 г.р. Три других его наигрыша см.: [На улице девки гуляли 1999, № 37–39].

¹⁵ Помимо мужских ансамблей, новым для собирательницы в 1959 г. стал женский коллектив из с. Чубковичи.

звоночки. “Приубравшись”, хлопцы берут гармошку, барабан и отправляются с “козой” по хатам.

Войдя в хату, хлопцы останавливаются около двери; обряженный “козой” хлопец, упав на пол впереди группы, лежит без движения и изображает собой “мертвую козу”.

Рассказывая это, Анна Ульяновна, рухнув на пол всей своей грузной особой, показала, как лежит на полу “мертвая коза”. А хлопцы в это время, продолжает рассказывать Анна Ульяновна, поднявшись с пола, — поют под гармошку и барабан “щедровку”: Го-го-го, коза... (пример 2).

Анна Ульяновна поет “щедровку” и приплясывает, одна рука ее уткнувшись в бок, другой она выразительно поводит, подчеркивая слова песни. Поет, рассказывает и изображает Анна Ульяновна артистически и с увлечением, забыв про время и про борщ в печке, который, пока

она рассказывала и пела, выкипел в горшке до дна.

Когда “щедровщики” пропоют песню до конца, рассказывает дальше Анна Ульяновна, один из хлопцев обращается к хозяйину со словами: “Послушайте, хозяин, што я вам скажу, не вешайте платье на тыну, а то я такой парень, што попорву”. Хозяин дает хлопцам сала, колбасы или денег, “коза” вскакивает на ноги, звонит звоночками, кланяется, а потом танцует под гармошку и барабан. Повеселив хозяев, хлопцы идут в следующий дом и так обходят всю деревню.

Закончив обход, хлопцы выкладывают из мешка “нащедрованное”, часть его они продают и покупают горилки, затем, собравшись где-нибудь в хате, устраивают себе веселье» [НЦНМ. РФ. И0146. Л. 24–27].

Уникальный материал зафиксирован от исполнителей-инструменталистов. Ис-

Пример 2. Го-го-го, коза

Го - го - го, ко - за, го - го се - ра - я, го - го бе - ла - я.

Ни ха - ди, ка - за. под Ми - ха - и - лов - ку. там стрель - цы - бой - цы

ко - зач - ку ўби - ли, но - жеч - кам спа - ро - ли и скрозь па - ла - тен - цы

дай по - па - ли в сы - ро - я сер - ца. На - ша ка - за ўпа - ла, дай - тя ку - сок са - ла,

што - б на - ша ка - за вста - ла, ве - се - ло па - ска - ка - ла.

кусство уроженца с. Мишковка, слепого лирика К. Ф. Шматова, 1891 г.р., известно благодаря звуковым изданиям, подготовленным Н. М. Савельевой [Русская народная музыка 1990, № 9; На улице девки гуляла 1999, № 37–39]. Примечательно, что почти все лирические записи сделаны в двух вариантах: с пением под лиру и без него (чисто инструментальная версия). В ходе сеанса выяснялись особенности конструкции инструмента, названия его составных частей и правила настройки. В полевой тетради Бачинского читаем: *«Лира, на которой играл Шматов, приобретена Кабинетом народной музыки. В ней должно быть четыре струны: две нижние, внутри корпуса, — басы, настроены в унисон; и две верхние, над корпусом, носящие название «баритоны», тоже настроены в унисон (в приобретенном экземпляре басы отсутствуют, но прежде, по словам Шматова, они имелись). Баритоны прикреплены к подструннику или коньку посредством проволоки — «струнчочка». Настраиваются они посредством колышков — накрутков. При прохождении по подставке (кобылке) под них подкладываются сложенные в несколько раз клочки бумаги — для того, чтобы они не слишком сильно нажимали на колесо — колёсо. Ручка называется «аккорда»»* [Там же. И0154. Л. 68–69].

Богатейший скрипичный репертуар в мастерском исполнении представлен записями от Левона (Леонтия) Ефимовича Титова, 1876 г.р., из с. Мишковка. 37 из 68 фонограмм — это различные вокальные, инструментальные и вокально-инструментальные образцы: танцы («Кракочьяк», «Полька, «Коробочка», «Чижик», «Марш к венцу» «Марш от венца»), плясовые наигрыши («Барыня», «Камаринский», «Русский», «Крúчена»), свадебные, лирические и революционные песни («Заручена девчонка...», «Под царские ворота...», «Лучина, ты лучиница...», «Лет семнадцати девчонка...», «Вставай, подымайся, рабочий народ...» и др.). Остальные — те же наигрыши, но в виде партии второй скрипки. Фиксация практически всех образцов в этих двух версиях — большая заслуга собирателей. Ценным представляется и сохранение в начале каждой фонограммы объявления, сделанного

исполнителем. Среди редких назовем пример звукоподражания, запечатленный на магнитофонной ленте с комментарием Л. Е. Титова: *«Выпить прошу музыкой»* [ИЦНМ. Ф1586–06. И0098–06]. Известно, что схожие образцы, где скрипачи имитируют человеческую речь, пение птиц, мычание коров, скрип ворот, свадебный плач, фиксировались на территории Псковской области экспедициями под руководством Н. Л. Котиковой в 1960-е гг.¹⁶

Необходимо отметить, что, несмотря на непростые условия работы и вынужденный *«отказ от расспросов»* [Там же. И0152. Л. 16] в ходе экспедиции 1953 г., в результате всех полевых исследований в Стародубском районе (1951, 1953, 1954, 1959) собрано немало этнографических сведений, охватывающих различные стороны местной традиционной культуры: бытование календарных и семейно-бытовых (прежде всего свадебного) обрядов, жанровую и исполнительскую народную терминологию и многое другое.

Собирателями зарегистрирован значительный объем локальных жанровых терминов-определений. Календарные песни «с гуками» в Стародубье называли *гуканки* или *гукáлки* (возможность обоих вариантов ударения уточнена в комментариях Л. А. Бачинского). Причем характер «сгукá» (или «гуканья») менялся в зависимости от приуроченности напева: по полевым наблюдениям, в жнивных и масленичных песнях гукали слабее, чем в весенних и петровочных [Там же. И0152. Л. 29]. Рассказывая о жнивных (по-местному *нивных*) песнях, информанты выделяли различные формы их исполнения: *«Когда их исполняют хором (гуртом), то на время исполнения прекращают работу и поют “на крепкие голоса” с протяжным гуканием. Но жнивную песню может петь и одна женщина, не прекращая работы»* [ИЦНМ. РФ. Л. 25]. Важным дополнением служит указание на то, что некоторые жнивные песни звучали ближе к вечеру, к окончанию работы, а другие — по дороге домой [Там же. РФ. И0146. Л. 58]. Застольные песни в с. Остроглядово называли *«банкетными»*, поясняя: *«Вот теперь говорят “бал заводять”. А раньше говорят: “банкеты взаводять”»* [ИЦНМ. РФ. И 0443–11]. Петровочные песни нередко

наделялись определением «сенокосные», при этом не всегда сопровождали соответствующий трудовой процесс: «На Петровку был сенокос, поэтому петровки, которые пелись на лугах, можно назвать «сенокосными» песнями. Но на Петровку не только косили. На Петровку ходили в лес по грибы. И при собирании грибов пели не меньше, чем на сенокосе» [ИЦНМ. РФ. И0152. Л. 27]. Особые термины связаны со свадебным регламентом. Так, зафиксировано редкое название досвадебных вечеров у невесты — «девички» [Там же. И0153. Л. 5, 13]; о плаче невесты под обрядовые песни «дружек» (подружек невесты), лишённом здесь словесного текста, исполнители говорили: «У нас не плачут, чтобы причитывали. Невеста просто плачет, **нюнит**, в то время как девушки поют» [Там же. И0152. Л. 29]. Весьма подробно и с вариантами описаны новогодние поздравления, сопровождавшиеся пением щедровок (называемых в разных селах также «колядки», «святки-колядки») группами женщин и девушек (колядовавших раздельно) и «вождением козы» шумными компаниями «хлопцев, с барабаном [бубном] и скрипкой» [Там же. И0146. Л. 15].

Обширный блок составляют заметки Бачинского на основе наблюдений и замечаний народных исполнителей с. Остроглядово о практике совместного пения: традиционные представления об эталонном звучании ансамбля, особенностях фактуры в разных жанрах и функциях ведущих голосов, важнейших исполнительских приемах и многом другом. Самая почетная и ответственная роль в коллективе, по словам информантов, — у «подголосника» (исполнителя верхнего голоса); хороших подголосников мало. Немного проще запевале («заводителю»): его задача — начать песню на удобной для всех высоте: «Она заводит так, что все вытянут». Бачинский уточняет: «Употребительны следующие синонимы: запевать,

начинать, починать, зачинать, заводить» [Там же. И0152. Л. 21–22]. Образцовым считают остроглядовцы пение «на крепкие голоса»: «Петь “на крепкие голоса”, то есть пение форсированным звуком, считается правильным. Форсирование голосовых средств не считается вредным для голоса. <...> Певцам кажется, что чем больше они поют напряженными голосами, тем лучше у них звучат голоса. Женщины из коллектива четырех вспоминали о пении в своей молодости следующее: “Вяжем кружева, выйдем, напоемся вволючку, тогда уже спать идем. И ни у кого голос не перерывается, не перехрипáя”» [Там же. Л. 25–26].

Эти и многие другие этнографические сведения, собранные в 1950-е гг., отражают стремление собирателей следовать методологическим принципам Квитки, утверждавшего: «Дать науке полноценную запись произведения народной музыки — это не значит дать только нотную запись. Необходимо описание способа исполнения, обстановки, выяснение места, какое занимает это произведение в народном быту» [Квитка 1973, 37].

Успех стародубских экспедиций Московской консерватории 1950-х гг. во многом был предопределен тщательной предварительной работой К. В. Квитки: подготовкой научного плана, инструктированием сотрудников и эффективной организацией их разделения труда. Фиксация текстов и этнографических сведений поручалась Л. А. Бачинскому, интересовавшемуся фонетикой и диалектологией, а ведение аудиозаписи — К. Г. Свитовой, прошедшей соответствующую подготовку на специальных курсах. Вместе с тем заслуга блестящей реализации экспедиционных задач в полной мере принадлежит самим собирателям, результативное сотрудничество которых может быть вписано в историю отечественной полевой фольклористики как один из самых ярких и значительных ее эпизодов.

Источники и материалы

МГК — Архив Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского.

На улице девки гуляли 1999 — На улице девки гуляли... Песни и наигрыши Северной земли. Записи фольклорных экспедиций Московской консерватории с 1953 по 1997 г. / Сост. Н. Савельева. М.: Истоки, Boheme music, 1999.

Народные песни 1968 — Народные песни Брянской области и Забайкалья. Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия», 1968. (Поют народные исполнители. [Вып. 2]). Д 21479/80.

Народные песни 2022a — Народные песни Стародубского района Брянской области: Науч. элект. изд. с аудиоприлож. на цифровом многоцелевом диске / Сост. К. Г. Свито-

ва (1966); Ред. и коммент. Е. В. Битеряковой, О. В. Ивановой. М.; Брянск: Аверс, 2022.

Народные песни 2022б — Народные песни Стародубского района Брянской области / Песни записали К. Г. Свитова (1951, 1953, 1959, 1963), Л. А. Бачинский (1953, 1954), А. Г. Флярковский, С. Н. Кондратьева (1954); Фоногр. оцифр. Е. Г. Богина, Н. В. Меньших, Л. П. Махова; Сост. и монтаж Л. П. Маховой (Digital Versatile Disc). М.; Брянск: Аверс, 2022.

НЦНМ — Фонды Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского (в ссылках на материалы из фондов используются сокращения: И — инвентарный номер, РФ — рукописный фонд, Ф — номер фонограммы).

Песни села Остроглядово 2022а — Песни села Остроглядово в записях 1950-х годов: Песенный сб. с аудиоприлож. (Digital Versatile Disc) / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. Е. В. Битеряковой. Брянск: Аверс, 2022.

Песни села Остроглядово 2022б — Песни села Остроглядово в записях 1950-х годов / Песни записали К. Г. Свитова (1951, 1953, 1959, 1963), Л. А. Бачинский (1953); Фоногр. оцифр. Е. Г. Богина, Н. В. Меньших; Сост. и монтаж Л. П. Маховой. М.; Брянск: Аверс, 2022.

Русская народная музыка 1990 — Русская народная музыка западных, центральных областей и Поволжья: Музыкальный фольклор Западной России / Сост. и аннот. Н. Савельевой. Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия», 1990. (Музыкальное творчество народов СССР. Антология). М 2049275 001.

Русские народные песни 1966 — Русские народные песни Брянской и Ивановской областей. Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия», 1966. (Пюют народные исполнители). Д 18939/40.

Свитова 1966 — Свитова К. Г. Народные песни Брянской области / Ред. Л. Н. Лебединский. М.: Музыка, 1966.

Свитова 2021 — Свитова К. Г. Поездка в деревню Тишинино. 1949 год // Из архива Кабинета народной музыки. Вып. 2 / Ред.-сост. Н. Н. Гилярова. М.: Моск. консерватория, 2021. С. 116–141.

Yak pushu strelu 2007 — Yak pushu strelu (As I Let an Arrow Fly): Eastern Slavic Musical Folklore of the Russian-Ukrainian-Belorussian Borderlands (Under the Cloud of Chernobyl). Pan Records. PAN2041.

Исследования

Гиппиус 2003 — Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М.: Композитор, 2003.

Квитка 1973 — Квитка К. В. О критике записей произведений народного музыкального творчества // Квитка К. В. Избранные труды: В 2 т. Т. 2 / Сост. и коммент. В. Л. Гошовского; Общ. ред. П. Г. Богатырева. М.: Сов. композитор, 1973. С. 30–39.

Луканюк 2013 — Луканюк Б. До суперечок навколо музично-етнографічної спадщини Олександра Рубця // Вісник Львівського університету. Серія мист-во. 2013. Вип. 13. С. 98–114.

Метельский 1983 — Метельский Г. В. Чувства добрые я лирой пробуждал: Повесть о забытом музыканте. М.: Сов. писатель, 1983.

Савельева 2013 — Савельева Н. М. По следам Александра Ивановича Рубца // Вопросы этномузыкознания. 2013. № 2 (3). С. 112–126

Свиридова 1966 — Кабинет народной музыки / Подгот. И. К. Свиридовой. М.: Музыка, 1966.

Старостина 2004 — Старостина Т. А. Натуральные лады в контексте народного интонирования // Звук в традиционной народной культуре: Сб. науч. ст. / Сост. Н. Н. Гилярова. М.: Научтехлитиздат, 2004. С. 150–172.

Якубовская 2022 — Якубовская Е. И. «Говорящая скрипка»: звукоподражание в народной инструментальной традиции, в записях Н. Л. Котиковой // Семинар ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН «Звук в поле». 2022. 21.06. URL: https://www.youtube.com/watch?v=IJS0NpQ-Veg&list=PLXhURmEWLdkbj8hSKNOmpWpsexml1W_UQz&index=31 (дата обращения: 30.07.2022).

© Е. В. Битерякова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Битерякова Е. В. <https://orcid.org/0000-0001-8799-1318>

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского: Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Б. Никитская, д. 13/6; тел.: +7 (495) 629-67-11; e-mail: elena-biteryakova@yandex.ru

Moscow Conservatory Folk Expeditions to the Starodubsky Region in the 1950s (On the History of Field Study Under the Leadership of Klyment Kvitka)

Elena V. Biteriakova

(Tchaikovsky Moscow State Conservatory:

13/6, Bolshaya Nikitskaya str., Moscow, 125009, Russian Federation)

Summary. *This article is devoted to the expeditions of the Moscow Conservatory to the Starodubsky region of the Bryansk region in the 1950s, initiated by Prof. Klyment Kvitka. Their unique audio recordings, handwritten field notes and photographic documents have mostly remained unpublished and not been introduced into scholarly use. Still, these materials, collected by Leo Batchinsky and Klavdia Svitova, retain their scholarly and artistic value today, and their joint work can be inscribed in the history of Russian ethnomusicology as an important episode.*

On the basis of phonograms and handwritten documents stored in the Klyment Kvitka Research Center for Folk Music, the author analyzes the circumstances of this field work in the 1950s, clarifying its goals and objectives, and gives a general assessment of its results. Batchinsky and Svitova's main achievements include high-quality recordings of ensemble singing and solo instrumentals, created during a time of active local folk traditions, and the collection of a significant amount of ethnographic information.

Key words: Klyment Kvitka, field work in 1950s, Bryansk region, Moscow Conservatory.

Acknowledgements. *The author expresses deep gratitude to her colleagues O. V. Gordienko, E. A. Dorokhova, L. P. Makhova, and N. M. Savelyeva for help in clarifying some historical questions.*

Received: January 16, 2023.

Date of publication: March 25, 2023.

For citation: Biteriakova E. V. (2023) Fol'klornye ekspeditsii Moskovskoi konservatorii na Starodubshchinu v 1950-e gody (k istorii polevykh issledovaniy pod rukovodstvom Klimenta Kvitki) [Moscow Conservatory Folk Expeditions to the Starodubsky Region in the 1950s (On the History of Field Study Under the Leadership of Klyment Kvitka)]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2023. Vol. 24. No. 1. Pp. 146–158. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.013>

References

Dorokhova E. A., Pashina O. A. (ed.) (2003) *Materialy i stat'i k 100-letiyu so dnya rozhdeniya E. V. Gippiusa* [Materials and Articles for the 100th Anniversary of E. V. Gippius' Birth]. Moscow: Kompozitor. In Russian.

Kvitka K. V. (1973) O kritike zapisei proizvedenii narodnogo muzykal'nogo tvorchestva [On the Criticism of Recordings of Works of Folk Music]. In: Kvitka K. V. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Ed. by P. G. Bogatyrev. Vol. 2. Moscow: Sovetskii kompozitor. Pp. 30–39. In Russian.

Lukanyuk B. (2013) Do superechok navkolo muzichno-etnografichnoi spadshchini Oleksandra Rubtsya [On the Disputes over the Musical and Ethnographic Heritage of Alexander Rubts]. *Visnik Lvivs'kogo universitetu. Seriya mistetstvoznavstvo* [Visnyk of the Lviv University. Series Art Studies]. 2013. Iss. 13. Pp. 98–114. In Ukrainian.

Metelskii G. V. (1983) Chuvstva dobre ya liroi probuzhdal: Povest' o zabytom muzykante ["I Awakened Good Feelings with a Lyre...": A Story

About a Forgotten Musician]. Moscow: Sovetskii pisatel'. In Russian.

Savelyeva N. M. (2013) Po sledam Aleksandra Ivanovicha Rubtsa [In the Footsteps of Alexander Ivanovich Rubets]. *Voprosy etnomuzykoznaviya* [Problems of Ethnomusicology]. 2013. No. 2 (3). Pp. 112–126. In Russian.

Starostina T. A. (2004) Natural'nye lady v kontekste narodnogo intonirovaniya [Natural Harmonies in the Context of Folk Intonation]. In: *Zvuk v traditsionnoi narodnoi kul'ture* [Sound in Traditional Folk Culture]. Comp. by N. N. Gilyarova. Moscow: Nauchtekhizdat. Pp. 150–172. In Russian.

Sviridova I. K. (ed.) (1966) *Kabinet narodnoi muzyki* [The Cabinet of Folk Music]. Moscow: Muzyka. In Russian.

Yakubovskaya E. I. (2022) "Govoryashchaya skripka": zvukopodrazhanie v narodnoi instrumental'noi traditsii, v zapisyakh N. L. Kotikovoi ["The Talking Violin": Onomatopoeia in the Folk Instrumental Tradition, in the Recordings of N. L. Kotikova]. In: Seminar IRLI (Pushkinskii Dom) RAN

“Zvuk v pole” [The Seminar “Sound in the Field” of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. 2022. 21.06. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=->

JS0NpQ-Veg&list=PLXhURmEWLDkbj8hSK-NOmpWpsexm1W_UQz&index=31 (accessed: 30.07.2022). In Russian.

© E. V. Biteriakova, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Biteriakova <https://orcid.org/0000-0001-8799-1318>

E-mail: elena-biteryakova@yandex.ru

Tel.: +7 (495) 629-67-11

13/6, Bolshaya Nikitskaya str., Moscow, 125009, Russian Federation

PhD in Arts, Senior Researcher, Klyment Kvitka Research Center for Folk Music, Tchaikovsky

Moscow State Conservatory

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)